

На правах рукописи

Фадеева Елена Викторовна

**ЖЕНЩИНА
В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ И СЕМЬЕ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ НИЖНЕГО АМУРА
(вторая половина XIX — начало XX в.)**

Специальность 07.00.07 — «Этнография,
этнология и антропология»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Владивосток — 2006

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Работа выполнена в отделе этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)

Научный руководитель доктор исторических наук
Аргудяева Юлия Викторовна

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, профессор
Гонтмахер Петр Яковлевич
кандидат исторических наук, доцент
Мельникова Татьяна Владимировна

Ведущая организация **Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского**

Защита состоится 26 декабря 2006 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 005.010.01 при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по адресу: 690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по адресу: 690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

Автореферат разослан « ____ » ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Сухачева Г.А.

Актуальность темы исследования. В последнее время заметно усилился интерес ученых и широкой общественности к традиционной культуре коренных народов Нижнего Амура, в связи с активизацией национально-культурных процессов и движений, стремлением к возрождению нравственных основ, самосознания, идентичности и духовных ценностей этносов.

Общественные трансформации последних десятилетий вызвали к жизни интерес к комплексу гендерных проблем, суть которых составляют социально- и культурно- детерминированные различия в поведении и статуснорольевых функциях женщин и мужчин. Важным направлением гендерных исследований является меняющийся статус женщины и образ женского в современном обществе (Тишков В.А., 1997, с. 8). В связи с этим назрела необходимость проанализировать и переосмыслить роль и статус женщины в семье и социуме коренных народов Нижнего Амура (нанайцев, ульчей, удэгейцев, нивхов, орочей, негидальцев). Несмотря на важность проблемы, она до сих пор не стала предметом специального изучения этнографов. Хотя, как показывают исследования этнологов, именно в семье происходит формирование элементов этнического сознания, а женщина играет ведущую роль в сохранении и передаче этнического кода культуры.

Степень изученности проблемы. В научной литературе, так или иначе связанной с указанной темой, можно выделить несколько блоков (этапов), различающихся хронологическими особенностями, тематикой и глубиной изучения.

Первый этап представлен трудами конца XIX — начала XX в. и характеризуется своей описательной направленностью. По своей форме это в основном свидетельства путешественников, чиновников, военных, принимавших непосредственное участие в событиях. Во всех трудах этого периода сведения о положении женщины фрагментарны. Тем не менее, пространственный диапазон путешествий по дальневосточной окраине России дает возможность сравнительного изучения отдельных аспектов, которые имеют по большей части значение источника. Лишь в некоторых из них исследовательский аспект вышел на первый план и представлен определенными выводами. Все труды конца XIX — начала XX в. условно можно разделить на два основных раздела.

1) Работы описательного характера, содержащие конкретный этнографический материал, таких авторов, как К.А. Белиловский (1894, 1894а), А.Л. Белькович (1896), С.Н. Браиловский (1901), Р.К. Маак (1859, 1861), А.Н. Максимов (1908), Мейер Е.Е. (2000), А.Ф. Миддендорф (1878), И.П. Надаров (1884, 1887), Н.М. Пржевальский (1947), Ал. Рубцов (1912), С. Тихвинский (1913), П.П. Шимкевич (1896, 1897), и др.

2) Монографии и статьи, в которых исследуются отдельные стороны жизни этносов, уточняются и углубляются накопленные материалы для сравнительного анализа. До сих пор не утратили своей актуальности труды В.П. Маргаритова (1888), С. Патканова (1912, 1912а), Б.О. Пилсудского (1908, 1910, 1914—1915), Л.И. Шренка (1883, 1899, 1903), Л.Я. Штернберга (1904, 1905, 1908, 1933, 1933а).

Так, работы С. Патканова представляют огромный интерес с точки зрения сравнительной статистики по родовому и семейному составу инородческого населения Сибири, а у Л.И. Шренка и Л.Я. Штернберга содержится важный для нас вывод о том, что женщина у коренных народов Севера не была угнетена, к ней относились с уважением как к жене и матери (Шренк Л.И., 1903, с. 7; Штернберг Л.Я., 1933, с. 374). Б.О. Пилсудский много внимания уделил описанию родильных обычаев нивхов, ороков и айнов, отметил их различие и сходство. В.П. Маргаритов описал виды женских работ у орочей, их орудия труда, способы обработки кож и шкур, имущественно-правовое положение женщины.

Второй этап включает в себя труды советского периода. Их можно разделить по времени.

1) Труды первой трети XX в. (до 1930-х годов), несмотря на то, что комплексных исследований жизни народов Севера почти не проводилось, достаточно полно отражают судьбу малочисленных народов в новой исторической реальности, и политическая ангажированность в них почти не доминирует.

Это работы В.К. Арсеньева (1926, 1948), Д.К. Зеленина (1934), А.М. Золотарева (1933, 1939), С.В. Иванова (1935), Н.К. Каргера (1927), Е.А. Крейновича (1929), Н.А. Липской-Вальронд (1925), А.Н. Липского (1918, 1923, 1925), И.А. Лопатина (1922, 1925), К.М. Мыльниковой и В.И. Цинциус (1931), С.М. Широкогорова (1935).

2) Научная литература середины 1930-х — 1960-е годов. Её отличительной чертой является излишняя идеологизированность, поэтому важен критический подход, так как авторы дают описание этапов советизации жизни северных народов, приветствуют стирание национальных различий. Во всех работах женская тематика, как правило, затрагивается вскользь, иллюстрируя отдельные стороны культуры и быта.

3) В 1960-е годы в научной литературе появляются работы, в которых авторы поднимают проблемы вырождения малых народов Севера. Возрастает понимание того, что утрачиваются уникальные живые знания, накопленные северными народами в ходе их тысячелетней истории. Авторы приходят к выводу о необходимости изучения и сохранения народных обычаев, культуры, знаний. Появляются работы, посвященные вопросам общественного устройства народов Севера в прошлом и настоящем.

4) В 1970—1980-е годы происходит постепенное переосмысление роли северных этносов в истории многонационального государства, исследователи предлагают меры для предупреждения исчезновения малочисленных этносов Севера (Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири, 1981; Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера, 1985 и др.).

В работах С.В. Иванова (1963, 1976), Е.А. Крейновича (1973, 1973а), В.Г. Ларькина (1961, 1964), В.В. Подмаскина (1977), Л.И. Сем (1976), Ю.А. Сема (1959, 1961, 1973, 1979), А.В. Смоляк (1962, 1966, 1975, 1976), Ч.М. Таксами (1969, 1971, 1975, 1976), В.И. Цинциус (1971, 1974) зафиксировано положение женщин в семье и об-

ществе у народов Нижнего Амура, показана роль женщины в хозяйственной жизни семьи, в процессе социализации детей у отдельно взятых этносов (нивхов, улчей, орочей, удэгейцев, нанайцев, негидальцев).

К третьему этапу можно отнести работы постсоветской историографии — перестроечного и постперестроечного периода (с конца 1980-х по настоящее время).

В коллективной монографии «Этническое развитие народностей Севера в советский период» (М., 1987) авторы показывают влияние национально-государственного строительства на этнические процессы на Севере. Отдельная глава посвящена семье, где отмечается, что вопрос о бесправии женщин в прошлом сильно преувеличен, что женщина у народов Севера никогда не была затворницей. Участие женщины в производительном труде, необходимом для жизни семьи, в воспроизводстве и обеспечении благополучия всех ее членов определяло положение женщины в семье, взаимоотношения ее членов. Поэтому вопрос о положении женщины в семье у народов Севера в прошлом неоднозначен (Этническое развитие народностей Севера, 1987, с. 179).

В коллективной монографии «Семейный быт народов СССР» (М., 1990) в соответствии с этнографическим профилем работы рассматриваются социокультурные процессы на семейном микроуровне, важнейшие функции семьи, понятия о родстве, родственных и локальных связях, взаимоотношениях личности, семьи и общества. Показаны особенности и общность брачно-родственных основ образования семьи, ее развитие в прошлом и настоящем у разных народов. Наряду с позитивными изменениями в семейно-брачных отношениях, авторы отмечают и тревожные тенденции — утрата семейного национального воспитания, неспособность школы обеспечить систематическую передачу молодому поколению традиционного опыта ведения промыслового хозяйства и др. (Семейный быт, 1990, с. 4—5).

В 1994 г. на основе международной конференции «Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен» вышел сборник ее материалов с одноименным названием (М., 1994). А.В. Смоляк выступила с докладом «Положение женщины народов Севера в семье и обществе», основным лейтмотивом которого был тезис о том, что о роли женщины у народов Севера в семье и обществе нельзя говорить однозначно и предвзято. Тяжелое положение женщины было обусловлено особенностями хозяйственной деятельности и условиями проживания коренных этносов (Смоляк А.В. 1994, с. 236).

В литературе данного периода материалы для диссертации находим в работах Ю.В. Аргудяевой (1999, 2002), С.В. Березницкого (1998, 1999, 2000, 2000а), П.Я. Гонтмахера (1988, 1996), Н.Б. Киле (1997, 1998), Н.В. Кочешкова (1996, 2000), Г.А. Отаиной, В.В. Подмаскина (1991, 1997, 1998), А.П. Самара (1997, 2001), А.Ф. Старцева (1989, 1996), Л.П. Тарвуд (2004), М.М. Хасановой (2000) и др. Особое место в историографии этого периода занимают труды Е.А. Гаер (1981, 1989, 1991) и А.В. Смоляк (1980) о роли женщины в свадебной, родильной, погребальной обрядности.

Отдельный блок литературы по данной теме составляют работы, посвященные изучению этнической истории отдельных малочисленных народов Севера (История и культура удэгейцев, 1989; История и культура ульчей, 1994; История и культура орочей, 2001; История и культура нанайцев, 2003).

Наиболее изученными оказались следующие стороны заявленной проблемы: распределение трудовых обязанностей между мужчиной и женщиной, участие женщины в обрядах семейного цикла и в процессе социализации детей, роль женщины в декоративно-прикладном искусстве. Однако участие женщины в свадебных, родильных и похоронных обрядах нанайцев, ульчей и нивхов освещено гораздо полнее, чем у орочей и негидальцев, а проблема родовой организации наиболее полно отражена у нивхов и нанайцев. Специальных же работ, посвященных комплексному исследованию положения женщины коренных народов Нижнего Амура, до настоящего момента нет.

В целом в современной отечественной историографии создана необходимая теоретическая и эмпирическая база для рассмотрения роли женщины в традиционной культуре народов Амура, а анализ литературы и этнографических источников показывает возможность глубокого изучения семейного и социально статуса женщин коренных народов Севера.

Цель и задачи исследования. Цель диссертации — изучение положения и роли женщины в традиционной семье и обществе коренных народов Нижнего Амура со второй половины XIX в. до начала XX в. Это может быть решено постановкой следующих задач:

- 1) проанализировать роль женщины в традиционном обществе и культуре коренных народов Нижнего Амура;
- 2) определить совокупность факторов, оказавших влияние на социальный и имущественно-правовой статус женщины;
- 3) изучить структуру повседневности женского быта;
- 4) выявить и описать смысловую и мифологическую нагрузку женских образов в духовной культуре коренных народов Нижнего Амура;
- 5) показать значение и роль женщин в семейной обрядности исследуемых этносов.

Объектом исследования выступают общество и семья коренных народов Нижнего Амура.

Предметом исследования является роль и статус женщины в традиционном обществе и семье коренных народов Нижнего Амура.

Географические рамки работы ограничиваются регионом Нижнего Амура. В географическом плане он охватывает долину Нижнего Амура от впадения в него р. Уссури вниз, вплоть до Амурского лимана. В административном отношении он включает значительную часть Хабаровского края. В этом районе компактно проживали и проживают нанайцы, ульчи, нивхи, орочи, удэгейцы, негидальцы. Сходные природные условия проживания, длительное соседство и всесторонние взаимные контакты на фоне однотипного хозяйственно-

культурного типа (ХКТ) и примерно одинакового уровня социально-экономического развития способствовали формированию на этой территории единой историко-этнографической области с ведущим хозяйственно-культурным типом рыболовов, охотников и собирателей.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIX — начало XX в. Данный выбор обосновывается тем, что в указанный период ещё сохранялся традиционный уклад жизни коренных этносов региона, который с первой четверти XX в. в результате политических и социально-экономических изменений в России был почти полностью разрушен.

Научная новизна. Настоящая диссертация является первым в отечественной и зарубежной историографии исследованием, в котором предпринята попытка комплексного изучения положения и роли женщины в традиционной семье и обществе коренных народов Нижнего Амура. В работе исследуются нормы обычного права, регламентирующие поведение женщины, её права в браке, отношение к осиротевшим детям, имущественные права, роль в семейных обрядах и т.п.

В научный оборот вводится комплекс архивных и полевых материалов, который позволил дать систематизированное описание общественного и семейного быта приамурских народов с позиций современной этнологии. В целом, данное исследование вносит определённый вклад в разработку проблем, связанных с этнокультурной историей региона и этнической историей коренных народов Нижнего Амура.

Методология и методы исследования. В основу исследования положена теория научного познания, главными принципами которой являются историзм и объективность. В качестве методологической основы диссертации выступают теоретические исследования отечественных историков, этнологов-антропологов, философов, посвященные изучению этнической истории народов России и их вклада в общечеловеческую культуру: В.А. Александрова (1981), С.А. Арутюнова (1989), Ю.В. Бромляя (1986), О.А. Ганцкой (1984), И.С. Гурвича и Б.О. Долгих (1970), И.Д. Ковальченко (1995), А.Г. Харчева (1979).

При изучении семьи мы придерживались системного подхода, в связи с чем семья рассматривалась как социальная система с определенной, характерной для нее структурой разных типологических вариантов с присущими ей функциями производства человека, воспроизводства этносов в моно- и полиэтнических средах, функцией социализации будущих поколений, а также экономической и экспрессивно-рекреационной функцией (Ганцкая О.А. 1984, с. 16, 19).

Анализ культуры коренных народов региона сквозь призму семейных отношений производился в соответствии с гендерной методологией, в разработку которой большой вклад внесли Н.Л. Пушкарёва (1997, 1999) и В.А. Тишков (1997, 2003). Это позволило рассмотреть такие вопросы, как идеалы «мужского» и «женского» в выборе брачных партнёров, ролевые установки и механизмы воспроизводства, эволюции и передачи культурных ценностей.

В диссертации использованы историко-генетический, сравнительно-исторический и типологический методы. В частности, применение сравнительно-

исторического (компаративного) и типологического методов позволило разграничить напластования различных традиций, определить характер их образования и степень эволюции семейной организации коренных этносов Нижнего Амура.

Помимо вышеперечисленных теоретических методов исторического познания применялись метод визуального наблюдения и опроса респондентов, метод текстологического анализа фольклорных текстов и художественных произведений писателей из числа коренных народов и др. (Пушкарева Н.Л., 1997, с. 6; Крадин Н.Н., 2001, с. 17, 19).

Источниковая база диссертационного исследования. Для решения поставленных задач привлечен широкий круг источников, часть из которых вводится в научный оборот впервые. Их можно разделить на три основные группы — опубликованные, неопубликованные архивные и материалы полевых экспедиционных исследований.

Основным источником при написании диссертации послужили полевые материалы автора (далее — ПМА), собранные во время этнографических экспедиций 2000 г. (Ульчский и Николаевский районы Хабаровского края), 2001—2003 гг. (район им. П. Осипенко Хабаровского края; Пожарский район Приморского края; Охинский район Сахалинской области) в селениях компактного проживания нивхов, нанайцев, негидальцев, удэгейцев и других этносов. В общей сложности было опрошено 36 чел., из них нанайцев — 11, удэгейцев — 5, нивхов — 6, ульчей — 2, негидальцев — 10, эвенков — 1, русских — 1; получена и перепроверена информация о способах обработки шкур, занятиях и орудиях труда женщин, родильных обрядах, уходе за новорожденным и пр. Нужные для работы выходы нашли отражение на страницах диссертации.

Важным источником исследования стали материалы, сосредоточенные в центральных архивах страны: архив Музея антропологии и этнографии РАН — архив МАЭ РАН; Петербургский филиал архива РАН — ПФА РАН; в архивах Дальнего Востока: Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока — РГИА ДВ, Государственный архив Хабаровского края — ГАХК, филиал ГАХК г. Николаевска-на-Амуре, архив Общества изучения Амурского края — архив ОИАК; архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН — архив ИИАЭНДВ ДВО РАН.

Значительный материал получен в архиве МАЭ РАН. Особую ценность представляет личный фонд А.Н. и Н.А. Липских, в котором содержится важная информация о положении женщины-аборигенки, ее семейных и бытовых обязанностях, пережитках материнского рода и обычае *авункулата* у нанайцев начала XX в. и другие сведения. Большой интерес представляют материалы фонда С.М. Широкогорова об имущественно-правовом положении женщины у народов Севера, обычаях *избегания* между членами семьи и рода, религиозных представлениях как северных тунгусов, так и соседних с ними этносов. Материалы о формах брака у народов Севера, о женщине в родильной обрядности, запретах для роженицы, для женщин в отсутствие мужчин содержатся в фонде

Б.А. Куфтина. В фонде Б.А. Васильева представлены материалы о роли женщины в погребальной обрядности, наряде нанайской невесты и др.

В ПФА РАН, в фонде Л.Я. Штернберга, содержатся данные по родильной обрядности нивхов и других народов, пищевых и поведенческих запретах для рожениц; а в экспедиционном журнале Л.И. Шренка — материалы о формах брака, брачном возрасте жениха и невесты у негидальцев, причинах появления калыма у коренных народов Севера.

В РГИА ДВ имеются материалы о брачных отношениях между коренными народами Нижнего Амура и китайскими отходниками; обрисовываются причины возникновения подобных смешанных браков, о постановлениях Российского правительства по улучшению условий для местных рожениц и др.

В фондах ГАХК содержится информация главным образом о тяжелом труде женщин коренных народов Нижнего Амура (выделка кож и шкур у негидальцев и эвенков), об орудиях труда нанайских вышивальщиц. В филиале ГАХК г. Николаевска-на-Амуре имеется любопытный материал об оплате работы женщин из среды инородцев на русских рыбозасольных заводах в начале XX в.

В архиве ОИАК, в фонде В.К. Арсеньева, содержится материал о родильных обрядах, роли женщины в медвежьем празднике и промысловых обрядах, а также о межродовых столкновениях, о половозрастном разделении труда, обычаях *избегания* у удэгейцев и орочей.

В архиве ИИАЭНДВ ДВО РАН, из фонда С.В. Березницкого, взята информация об украшениях и одежде орочьей невесты; о взаимоотношениях между невесткой и родителями мужа у удэгейцев.

Важным этнографическим источником, позволившим реконструировать традиционные представления и верования, а также отдельные элементы быта коренных этносов Нижнего Амура, явились фольклорные материалы, собранные и опубликованные как известными исследователями (лингвистами и фольклористами) В.А. Аврориним и Е.П. Лебедевой (1987), Д. Нагишкиным (1980), О.П. Суник (1985), В.И. Цинциус (1982), А. Чадаевой (1990), Л.Я. Штернбергом (1908), так и учеными, представителями малочисленных народов, Г.А. Отаиной (1997), В.М. Санги (1989); а также скомпонованные в сборниках «Легенды озера Болонь» (1998), «Нанай нингмансални» (1950), «Нанайский фольклор» (1996).

Для восстановления картины семейного быта и повседневной жизни женщины в исследуемый период автором использовались как художественные произведения нанайских писателей Г.Г. Ходжера (1969, 1975, 1980) и В.Ф. Зуева (1990), так и опубликованные в журналах воспоминания представителей коренных малочисленных народов (Кого-Самара Н., 1928; Онинка, 1930; Рыжков А., 1940). В силу жанра литературные произведения страдают фрагментарностью. Однако анализ и проверка по другим источникам показали их достаточную этнографическую достоверность.

Научно-практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при анализе современного состояния коренных народов Нижнего

Амура в плане понимания особенностей воспроизводства этнических традиций, в работе Ассоциаций малочисленных народов Севера, в деятельности структур власти при разработке программ, направленных на улучшение положения коренных народов, и, в частности, женщин, представительниц этих народов, а также при создании трудов по истории и этнографии народов Нижнего Амура, при разработке школьных и вузовских курсов этнографии и регионоведения.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в 17 публикациях общим объемом свыше 6 печ.л., изложены в сообщениях и докладах на научных конференциях международного, российского и регионального уровней.

Структура диссертации предопределена основными задачами исследования и включает введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы, приложение

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, объект и предмет исследования, определены цели и задачи, территориальные и хронологические рамки, источниковая база, обозначены методология и методика изучения материалов, научная новизна работы и научно-практическая значимость полученных результатов, апробация и структура диссертации.

Глава первая. «Социально-правовое положение женщины в традиционном обществе» состоит из трех параграфов, в которых исследуются особенности родовой организации у коренных народов Нижнего Амура; статус и роль женщины в традиционном обществе и культуре; имущественные права женщины (права на получение, владение и распоряжение недвижимостью, опеку и попечительство, расторжение брака и право на детей, отношение общества к преступлениям против женщин и т.п.).

В ходе исследования выявлено, что, несмотря на преобладание отцовского рода, у коренных народов Нижнего Амура еще в начале XX в. сохранялись элементы материнского рода, которые можно классифицировать как элементы, относящиеся к материнско-родовой экзогамии (билинейная экзогамно-родовая система и установления, связанные с родовым огнём); элементы материнского права, авункулат (особое правовое положение не только братьев матери, племянников по матери, но и всех родственников из рода матери, включая её мать и сестёр, по отношению к наследованию детей умерших родителей, их роли в заключении брака и т.п.); матрилокальность брака в брачных церемониях и терминологии; отголоски материнского рода в религиозных воззрениях.

Элементы материнского рода, на первый взгляд, абсолютно не вяжущиеся с агнатной организацией рода коренных народов Нижнего Амура, тем не менее, неразрывно связаны с их традицией и психологией. Супруги являлись

кузенами, детьми брата и сестры, и члены каждого рода предпочитали брать жён из одного и того же рода, так что психологии патернитета и матернитета перекрещивались между собой, между женской и мужской линиями не было большой пропасти.

Статус женщины в традиционной семье был неодинаков и определялся множеством факторов, в том числе этнических (нормы обычного права, традиции повседневного поведения и общения). Положение дочери в семье отца было относительно свободным. Положение невестки уже зависело от того, кто стоял во главе семьи: если свёкор, то она должна была исполнять его волю. Кроме того, молодой невесткой зачастую помыкала свекровь или старшие невестки, которые стремились переложить большую часть работ на ее плечи. Если муж вступал в наследование имуществом, женщина становилась хозяйкой дома, и положение ее менялось.

Старшей женой являлась женщина, на которой мужчина женился раньше (ульчи, удэгейцы), либо старшая по возрасту (нивхи, орочи). Но хозяйкой в доме зачастую становилась любимица хозяина — самая молодая из жён. Остальные жены были только работницами, и муж нередко даже не разделял с ними ложа. Большое значение имело имущественное положение каждой жены, величина материального вклада, внесённого в семью. Когда вдова переходила в дом шурина со всем своим имуществом и детьми, как правило, она становилась «старшей» женщиной в семье, если не было матери мужа. Младшие жёны были бесправны, их ограничивали в питании. Плохо обращались мужья и с женами, приобретенными по обычаю *коктоу*, когда девушку отдавали замуж в качестве платы за убийство. Очень тяжёлым было положение бездетных женщин и женщин, рожавших девочек: мужья брали себе других жён, которые быстро занимали ведущее место в семье.

У народов региона существовала система традиционно сложившихся нормативных предписаний, выражающих почтительное отношение к пожилой женщине. Старшая женщина, являясь одной из центральных фигур родственного коллектива, выполняла организаторские функции, распределяла обязанности по дому между остальными женщинами, оказывала значительное влияние на внутрисемейные отношения.

Конструкция семейной собственности у народов региона показывает, что семья была не только брачным и родовым, но и хозяйственно-трудовым союзом, обладавшим имуществом. Правами наследования обладали лица мужского пола; в то время как за женщинами признавалось право только на приданое, т.е. на имущество, не являвшееся органической частью хозяйства. Даже «старшие» женщины, несмотря на высокий авторитет, оказывались лишёнными имущественных привилегий: их собственностью были только личные вещи, в случае развода они не получали доли общесемейного имущества.

Деяния против личности женщины карались менее строго, чем преступления против мужчины или рода; расторжение брака для женщины было делом гораздо более сложным и предосудительным, нежели для мужчины. Женщины

отстранялись от участия в разбирательствах, поскольку «путали суд». Вместо них судили мужей и отцов за то, что они не научили женщин соблюдать обычаи. Только вдовы, главы семей, были подсудны наравне с мужчинами

Автор делает вывод, что социально-правовое положение женщины определялось как патрилокальным характером всего общественного уклада коренных народов Нижнего Амура, так и ее местом в семейной иерархии. Большесемейный уклад, который строился на принципах половозрастной сегрегации и безусловном подчинении младших старшими, обуславливал авторитет и более высокий статус «старшей» женщины — хозяйки дома и матери семейства. Ее относительно привилегированное положение в большей степени объясняется социально-экономическими (половым разделением труда, требующим руководства домашним хозяйством «старшей» женщиной), социально-бытовыми (необходимостью предотвращения конфликтов в большесемейном коллективе и регулирования поведения женской части семьи), социально-психологическими причинами.

Таким образом, женщины в традиционном обществе и культуре активно участвовали в производственной, социальной, нравственной жизни. Мужчины в роде образовывали неизменную его половину, а женщины — текучую.

Во второй главе «Семейная жизнь и повседневный быт женщины», включающей четыре параграфа, рассматриваются особенности заключения брака и образования семьи у коренных народов Нижнего Амура; хозяйственные обязанности женщин, их орудия труда, оценивается вклад женщин в общую экономику семьи и ее роль в передаче и сохранении традиций; обрисовываются стереотипы женского поведения в семейно-брачных отношениях, в том числе образы «хорошей» и «плохой» женщины и обычаи *избегания*, а также отношение к ним со стороны мужской части населения).

Брачные нормы не были личным делом брачующихся, они регламентировались родом в целом, определялись существующей системой родства, которая у всех народов Нижнего Амура была классификационной (одни и те же термины относились к определённым группам лиц, входящих в разные возрастные группы). Система родства у тунгусо-маньчжуров — более древняя по своему типу: у них было меньше различных ограничений, чем у нивхов с их односторонним кросскузенным браком и брачно-групповыми отношениями только в рамках одного поколения. У тунгусо-маньчжуров считались обычными двусторонние кросскузенные браки и браки между восходящими и нисходящими поколениями, допускался взаимный обмен женщинами между двумя родами, а брачно-групповые отношения выходили за рамки поколения.

Система брачных отношений у народов Нижнего Амура была неодинакова. У нивхов не допускались обменные браки между детьми (братьев и сестер), тогда как у их тунгусо-маньчжурских соседей они были излюбленной формой брака. У всех народов региона широко практиковался обмен сестрами, женитьба на женщине из рода матери, обручение младенцев из разных родов, левиратные и сороратные браки. У тунгусо-маньчжуров был возможен брак вдовы не только с младшим братом ее умершего мужа, но и со старшим братом умершего, что по

нивхским нормам допускалось лишь в самых крайних случаях. Нетрадиционным был брак по обычаю *коктой* (удэг.), суть которого заключалась в том, что муж, убивший свою жену в порыве гнева, чтобы избежать кровной вражды с её родом, передавал ему свою сестру вместе с приданым или покупал другую девушку. Существовал брак отработкой, когда бедные зятья отработывали в семье тестя оговоренный заранее срок (обычно до взросления младшего сына тестя), после чего могли жениться на девушке. Нередко мужчина воспитывал маленькую девочку до тех пор, пока она не становилась взрослой и выходила замуж за одного из его сыновей. Браки с похищением женщин, наиболее распространенные среди нивхов, не поощрялись, так как приводили к межродовым столкновениям.

С середины XIX в. распространилась новая форма брака, основанная на купле и продаже женщины. Редкие случаи многоженства определялись обычаем левирата, отсутствием детей у первой жены, необходимостью дополнительной рабочей силы. Позже многоженство стало символом благосостояния и мериллом богатства мужчины, посредством которого он пытался добиться уважения сородичей.

Хозяйство народов Амура было натуральным и комплексным с четким разделением мужского и женского труда. Женщины не только вели домашнее хозяйство, готовили пищу, выделывали звериные шкуры и рыбы кожи, шили одежду и обувь, плели корзины и циновки, вышивали, изготавливали посуду из бересты, растили детей, но и участвовали в рыбалке, изготовлении рыболовных сетей, витье веревок, сидели на веслах. Земледелием в форме огородничества (капуста, лук, морковь) занимались только южноуссурийские и сунгарийские нанайцы, заимствовавшие его от китайцев и древних маньчжуров, о чём говорит и сам способ его ведения — грядковая культура, характерная для китайцев. От славянского населения нанайцы узнали о картофеле.

Таким образом, для традиционного общества самой универсальной и устойчивой формой распределения ролей было половозрастное разделение труда. В менталитете народов прочно закрепились понятия «мужские», «женские», «детские» виды работ. Разделение ролей у народов отражало практическую оценку относительной пользы мужчины и женщины в той или иной сфере деятельности. В связи с этим каждый член семьи был относительно независим в своей сфере деятельности и старался не лезть в дела другого. Социально-экономическое развитие на Нижнем Амуре в конце XIX — начале XX в. оказало большое влияние на перемены в семейных взаимоотношениях, в экономике семьи. Женщины и молодежь получили возможность зарабатывать деньги независимо от отцов и мужей, что упрочивало их самостоятельность в семье и возвышало в глазах общества.

Можно проследить некоторую трансформацию понятия «идеала» у коренных народов. Первоначально в это понятие входили личные качества человека, наиболее приемлемые для родового коллектива. Положительные черты характера составляли личное богатство человека, определяли цельность его натуры в глазах семьи и рода. Отрицательные черты характера обрекали человека на

презрение и осуждение со стороны общества, что подвигало людей на своё самосовершенствование. В процессе проникновения в родовую общину товарно-денежных отношений и, как следствие этого, имущественного расслоения родового общества в середине XIX — начале XX в., акценты сместились. Теперь при определении «хорошего» человека наряду с личными качествами всё большее значение приобретает его богатство. А вера в возможность достижения совершенства через собственные усилия опиралась в немалой степени на христианство, с которым этносы познакомились через контакты с восточнославянскими народами.

Воспитание детей обуславливалось в первую очередь тем, что мужчины в родовом обществе были главенствующим и постоянным элементом рода, а женщины — подчинённым и переменным. Девочек с раннего детства приучали к тому, что они «чужеродки» и после замужества уйдут в другой род. Воспитание братьев и сестёр преследовало одну цель — отдалить их друг от друга, разобщить. Отец согласно обычаям избегания практически не принимал никакого участия в раннем воспитании детей. Однако с 8—10 лет мальчики переходили под его опеку, отдаваясь от матери и сестёр; тогда как девочки до своего замужества продолжали находиться под присмотром женщин. Отцу запрещалось вести весёлые разговоры и шутить с дочерьми, запретов на общение с матерью для сыновей, а тем более дочерей не было.

В семье между супругами также существовали определённые ограничения, призванные подчеркнуть превалирующее положение мужчин. Жена не смела разговаривать с мужем при старших родственниках или в присутствии посторонних мужчин (в первые годы замужества), не могла открыто проявлять своё внимание и заботу о муже, не могла есть с мужчинами за одним столом. Мужчины и женщины старались не касаться орудий труда друг друга, чтобы сохранить их промысловые качества. На улице женщина всегда шла позади мужа, не смея забегать вперёд. В целом же супруги практически никогда не вмешивались в дела друг друга.

Женская кровь всегда представлялась вещью могущественной и опасной, из-за чего вся жизнь женщины распадалась на три периода: деторождение; период менструации и период, когда менструация прошла. В связи с этим ей приходилось постоянно выполнять различные запреты, которые имели магическую окраску, поскольку были связаны с представлениями о разных духах, вселяющихся в мужчин и женщин. Женщина в течение всей своей жизни оставалась под покровительством её собственных духов, которые могли вступить в противоборство с духами рода мужа, поэтому замужняя женщина во многих случаях подвергалась табу. В целом мужчины «избегали» женщину, не вследствие ее подчиненного положения (как это определялось ранее), а чтобы уйти от злой деятельности ее духов.

Наибольшая роль в воспитательном процессе в раннем возрасте детей обо-его пола, в овладении ими навыков практической жизни принадлежала матери и бабушке. Мать и бабушка не только кормили, одевали детей, но и постепен-

но приучали их выполнять разнообразные, сначала очень несложные хозяйственные поручения.

Женщины хранили и передавали по наследству дочерям секреты народной медицины, приемы охранительной магии, различные амулеты и обереги. Они в семье являлись носителями традиционных установок в вопросах вступления в брак, организации свадьбы, выступали хранительницами и обрядов детского цикла, которые совершались при их непосредственном участии (обряды укладывания ребенка в люльку, наречения имени, первой стрижки ногтей и волос). В механизме воспроизводства в семье этнических традиций большое значение придается усвоению ребенком номенклатуры родства, форм и условий заключения брака, стереотипам поведения. Огромна роль женщины в формировании духовного мира детей, первых представлений о добре и зле, красоте и уродстве, правде и лжи.

Женщина выступала хранителем и экспертом информации в области материальной культуры, являясь главным действующим лицом в организации этнически окрашенной микросреды обитания — жилища и всего комплекса предметной сферы. Определяющей была ее роль в сохранении традиций народной системы питания — переработке и хранении продуктов, приготовлении отдельных блюд, в организации трапезы. Одним из важных компонентов материальной культуры, создаваемых женским трудом, следует назвать одежду. Через практическое участие в труде девочки познавали особенности обработки рыбьих кож, меха и шкур зверей, пошива одежды и т.д. Женщина не только создавала национальный костюм, но и участвовала в формировании целого комплекса представлений, обрядовых действий, связанных с ним.

Делая вывод, отметим, что если для мужчин главнейшей референтной социальной группой был род, то для большинства женщин ближайшее социальное окружение образовывала семья. Семейная жизнь для женщины была нормой. Традиционные общественные нормы четко определяли место женщины и предлагали ей самореализацию прежде всего в семейной (частной) сфере жизни социума.

Глава третья «Женщина в традиционных верованиях и обрядах», состоящая из трех параграфов, исследует систему женских персонажей в традиционных верованиях и причины их генезиса; роль женщины в родовых праздниках и промысловых обрядах и место женщины в семейной обрядности (свадебной, родильной и похоронной).

В ходе исследования системы женских персонажей в фольклоре и верованиях народов Нижнего Амура выявлены два основных пласта. В первом, сложившемся, вероятно, в эпоху существования материнского рода, женщина рассматривалась как созидательница Земли и всего сущего на ней, как охранительница и защитница своих детей, предопределяющая их жизнь не только в мире живых, но и в царстве мёртвых. Наиболее близкими к этому периоду можно считать мифы и предания, в которых происхождение Земли и людей, родовые божества и огонь связывались с представительницами женского рода.

Так, нивхи, негидальцы, удэгейцы начало Земли связывали с гагарой или уткой, из пуха которых она и была создана. Некоторые роды и родовые группы народов региона вели своё происхождение от мифологических женщин, вступивших в сверхъестественную связь с каким-нибудь животным или птицей, чаще всего с тигром, медведем, лосем, орлом, змеёй, разными видами рыб.

В героическом эпосе и сказаниях упоминались женщины-богатырки, совершающие различные подвиги во имя сохранения рода или семьи наравне с мужчинами. Черты материнского рода нашли своё отражение и в фольклорных мотивах о состязаниях женщин с мужчинами в силе, ловкости, опыте, играх. У всех народов Нижнего Амура в фольклоре встречаются сюжеты о том, как старшая сестра помогает младшему брату в борьбе со злыми духами. Присутствуют сюжеты о том, как жёны помогали мужьям в преодолении различных препятствий, в борьбе со злым духом.

Изображения родовых духов и важнейших охранителей рода, семьи, очага также были представлены в облике женщины (седой старухи). Встречаются в фольклоре и образы других родовых духов женского пола: хозяйка моря, владычица всех рыб, стихий. У ульчей дочь хозяина тайги выступала в образе тигра, а у негидальцев — хозяйки горной тайги, подательнице фарта; у приморских орочей — в облике маленькой девочки. Подобные представления характерны для ороков, ульчей, нанайцев.

С материнским родом у народов Амура связано и поклонение огню, который, являясь женским божеством, охранял жилище, помогал при родах, спасал от различных духов, очищал людей при нарушениях обрядовых установлений. Особенно показательно, что поклонение огню связано с лицами, близкими по материнской линии, — дядей по матери и племянником.

В нанайском фольклоре неоднократно упоминались шаманки, являвшиеся духами-предками рода, имевшие множество сэвэнов, с которыми они находились в сожительстве. Духи женского пола обладали в шаманском культе большей силой, чем духи мужского пола. Нанайцы говорили, что мужчины-шаманы сильнее, а женщины-шаманки — хитрее (если она «пустит» свои месячные, то мужчина-шаман потеряет свою силу). Женщины принимали активное участие в лечебных камланиях, участвовали в процессе изготовления шаманских бубнов, делали ритуальные изображения на некоторых предметах лечебного характера, надгробных сооружениях и шаманских культовых принадлежностях.

В другом пласте, несомненно, более позднем по времени, отразились воззрения на женщину как на существо неуравновешенное и слишком эмоциональное, даже представлявшее угрозу для общества. Женские персонажи, таким образом, начинают наделяться отрицательными качествами, несущими негативную энергию. Например, ведьмами-людоедками, как правило, становились женщины, в прошлом бывшие большими шаманками.

Промежуточным этапом между этими этапами можно считать представления, рассматривавшие женщину более или менее равноправным партнёром мужчины. Так, в воззрениях народов очаг ассоциировался уже не с одной хо-

зяйкой огня, а с супружеской парой — стариком и старухой. Позднее хозяин огня — это уже однозначно мужской персонаж: либо старик, либо, как у иманской группы удэгейцев, молодой весёлый парень.

Разграничение мужских и женских сфер в родовых праздниках и промысловых обрядах имело как сакральный, так и рациональный характер. Наиболее важным общественным мероприятием родового характера являлся медвежий праздник. Роль женщин на медвеьем празднике помимо приготовления праздничного угощения сводилась к игре на «музыкальном бревне», сопровождавшем все основные моменты праздника, и ритуальным танцам. Возможно, запреты для женщин в медвеьем культе связаны с тем, что медведь считался мужем древней женщины-праматери, являясь общим праотцом. До второй четверти XX в. строгими для женщин были ограничения в еде мяса медведя.

Система традиционной календарной обрядности народов Амура основывалась на представлениях о живительной силе Космоса, посылающей жизнь, плодородие, здоровье, благополучие, счастье в течение года через репродуцирующие силы мужского и женского начала. С наступлением зимы, чтобы сохранить хорошие отношения с хозяевами воды (стариком или старухой), устраивались жертвоприношения: женщины готовили ритуальные блюда, которые к воде относили мужчины, женщины наряжались в красиво орнаментированные халаты, исполняли лирические песни, устраивали пляски с погремушками. У удэгейцев женщины плясали с двумя погремушками в руках под ритм бубна.

Охотники, связав попадание женских регул на охотничьи принадлежности с неудачей на промысле, отстранили женщин от участия в обрядах, обращённых к хозяевам тайги, гор, воды. Женщины частично допускались к разделке продуктов морской охоты, могли отделять сало от шкуры тюленя, а также варить тюленьё мясо и тюленьё головы. Полностью на женщинах лежала разделка продуктов рыболовства. Особые запреты на промысле рыбы существовали для вдовы *сикэун нао найни* (нан.). Всё, что ей принадлежало, магическим образом могло лишить рыбаков промысловой удачи. С промысловым обрядом был тесно связан ряд поверий и запретов: женщина не могла варить мясо выдры и подходить к котлу в грязной одежде; беременным женщинам запрещали употреблять в пищу мясо изюбра, иначе хозяин изюбров не пошлёт охотнику зверя.

В традиционном обществе нередко встречались нарушения межродовых отношений, причиной которых являлась нехватка женщин, спор из-за калыма, похищение женщин, убийство из ревности. Неоднозначной была роль женщины в обычае кровной мести. С одной стороны, она сама зачастую становилась причиной межродового разбирательства, особенно в случаях добровольного участия в собственном похищении. Но более выраженной была миротворческая и охранная роль женщин в этом обряде, стремившихся всеми силами предотвратить кровавые конфликты между своими отцами, братьями, мужьями. Наконец, женщины выступали как средство уплаты штрафа пострадавшей стороне.

Женщины играли важную роль и в системе обрядов жизненного цикла. Свадебная обрядность народов Амура имела сходные черты: предварительный

сговор, сватовство, второй визит, когда стороны договаривались о размере выкупа; третий визит, когда родители и родственники жениха привозили выкуп и обговаривали время и детали переезда невесты в род жениха; пир в доме родителей невесты и собственно свадьба в доме жениха.

Наличие в свадебном «сценарии» системы женских персонажей обусловлено не только их предназначением нести определённую функциональную нагрузку, но и подкреплено отведением чисто женской ритуальной территории. В целом свадебная обрядность народов Нижнего Амура имела много общего со свадебной обрядностью тунгусоязычных и тюркоязычных народов Восточной Сибири.

Народное акушерство имело яркую этническую окраску, проявлявшуюся в особенностях приёма родов, гигиены женщины и т.д. На формирование родильных обрядов народов региона оказали влияние, с одной стороны, тяжёлые условия, в которых традиционно происходили роды, а с другой — отношение к женщине как к источнику потенциальной опасности для промысловой деятельности. В родильных обрядах народов Амура можно проследить, во-первых, практическую заботу о бытовой и половой гигиене; во-вторых, магические запреты, соблюдения которых, якобы, облегчали роды.

Центральное место в родильной обрядности занимала сама беременная женщина, чей статус варьировался в дородовой период, при родах и в послеродовой период. Во вторую группу входили женщины-родственницы как со стороны мужа, так и со стороны отца, выполнявшие важную роль в процессе подготовки беременной женщины к родам и нормального протекания беременности, в обрядах сохранения жизни и здоровья младенца и роженицы. Третью группу составляли наиболее опытные женщины селения, непосредственно помогавшие беременной при родах и выполняющие функции повивальных бабок.

В целом родильные обряды нанайцев, ульчей и нивхов идентичны. Возможно, в нижнеамурском регионе в результате длительных культурных связей сложились близкие архаичные формы обрядности, связанные с родами и воспитанием детей. Некоторые черты этой обрядности (запутывание следа новорожденного, использование колыбельных оберегов и оберегов на одежде, особое захоронение младенцев), видимо, были характерны и для всей Сибири. Применение сверхъестественных приемов родовспоможения предполагало достижение народным акушерством нескольких целей: вмешательство в родовую акт доброй силы; запугивание злых сил; мобилизацию рожавшей женщины на самопомощь; побуждение плода к скорейшему рождению.

В погребальной обрядности у каждой из женщин были свои строго очерченные функции, которые могли меняться в течение жизни при переходе женщины от одного статуса к другому. Так, работы, связанные непосредственно с пребыванием покойника на земле (его обмывание, обряжение в одежду, приготовление ритуальных блюд и др.) выполнялись, как правило, молодыми девушками и женщинами как из рода умершего, так и чужеродками. В то же время действия, отражавшие процесс перехода умершего человека из мира живых в мир мёртвых (разрыв нити, связывающей живых с покойным, разжигание поминальных кос-

тров, изготовление вместилища для души умершего и т.д.) совершали только пожилые или старые женщины. Подобное разделение женского труда, как кажется, являлось отголоском переходного периода в родовом обществе от материнского рода к отцовскому, когда, с одной стороны, уже начали действовать определённые запреты для женщин, а, с другой — многое ещё было разрешено.

Подводя итог, отметим, что в системе традиционных верований, родовых и промысловых праздниках, семейной обрядности у женщин была своя строго очерченная ритуальная территория и свои специфические функции.

Разграничение некоторых сфер мужского и женского труда в родовых праздниках и промысловых обрядах носило как сакральный характер, так и имело рациональную основу. Такое разделение сфер труда связывали с тем, что запах человека и дома считался особенно вредоносным для удачной охоты. Он мог не только отпугнуть зверя, но и разозлить хозяев тайги. Женщина, олицетворявшая дом, и всё, связанное с ней, могло навредить на охоте. Поэтому действия женщин в родовых, промысловых обрядах и календарных праздниках были обставлены множеством ограничений и запретов в еде и поведении, которые носили ритуальный характер. Они практически не принимали участия в жертвоприношениях «небу», «морю» и других религиозных актах, кроме шаманских. Объяснялось это как «нечистотой» женщин, так и тем, что они были выходцами из разных с мужьями родов.

Таким образом, наличие в семейной обрядности системы женских персонажей было обусловлено не только их предназначением нести определённую функциональную нагрузку, но и подкреплено отведением чисто женской ритуальной территории. Как в доме имела особая женская половина, так и на свадьбе, родах, похоронах её участницы обладали собственным ритуальным пространством. Отметим, что многие функции в семейных ритуалах могли выполняться только женщинами, которые несли, на наш взгляд, наиболее важную обрядовую нагрузку.

В заключении подведены итоги, отражающие степень достижения поставленной цели и сформулированных задач.

Статус женщины в традиционной семье коренных народов Нижнего Амура зависел, во-первых, от того, какое место она занимала в системе семейно-родственных связей — дочери, жены, матери; в рамках какого социума она осуществляла свою деятельность и с кем из членов рода, семьи и общины она контактировала; во-вторых, от степени ее участия в экономической жизни семьи, воспроизводстве и обеспечении благополучия всех её членов; в-третьих, определённым показателем статуса женщины в семье являлось ее имущественно-правовое положение, которое было тесно связано с общим состоянием правовой защищенности женщин, их правом на получение, владение и распоряжение всеми формами имущества. Экономическая жизнь предполагала наиболее активное участие в ней опытных, старших женщин, которые хорошо знали семейную экономику и умели управлять ею с выгодой для себя и детей, особенно в период долгих отлучек мужей. В-четвертых, в начале XX в. происходила постепенная трансформация статуса и роли женщины, которая, с одной стороны, была связана с увеличением числа малых нуклеарных семей на фоне уменьшения

количества больших и неразделенных семей, в результате чего главами женской части дома становились еще достаточно молодые женщины, которые могли заниматься хозяйственными делами без оглядки на старших невесток и свекровей. С другой стороны, знакомство с законами Российской империи дало женщинам большую правовую защищенность на государственном уровне.

В ходе исследования выяснилось, что рассмотрение традиционного общества как культурной среды с выраженным доминированием мужчины во всех сферах социальной жизни, и, прежде всего экономической, не совсем верно. Домашняя сфера была для женщин главной областью их самоактуализации. Господствовавший вне сферы домохозяйства мужчина (охотившийся, рыбачащий, торгующий на ярмарках) не мог одновременно «господствовать» в сфере домашней. Он только заставлял считать себя хозяином, мужем-«повелителем», а фактически «правили» и «господствовали» дома женщины. Тем не менее наряду с достаточной самостоятельностью в хозяйственной деятельности им приходилось соблюдать множество запретов (в первую очередь связанных с промысловой деятельностью мужчин), которые не рассматривались как дискриминационные, поскольку были санкционированы традиционной системой верований.

Социально-экономическое развитие народов Нижнего Амура конца XIX — начала XX в. (распространение в среде коренных малочисленных народов товарно-денежных отношений и возникновение новых отраслей хозяйства) увеличило экономическую независимость женщины, подняло ее вес в глазах семьи и общества. Женщины стали играть основную роль в новых отраслях хозяйства — земледелии и огородничестве, выступая проводниками инноваций в обществе.

В традиционных верованиях и фольклоре удалось выявить и проследить трансформацию системы женских образов: от представления женщины как создательницы Земли и всего сущего на ней до взгляда на нее, как на существо, представлявшее угрозу для общества (через присутствие в пантеоне «хозяев» парных духов-покровителей и женщин-шаманок, а в фольклоре — героинь-богатырок).

Четко прослеживается дуальность мужского и женского начал в социальном и хозяйственном пространстве, когда двор представлялся мужским миром, а дом — женским и делился на две половины, в семейной обрядности (свадебных, родильных, погребальных, поминальных обрядах), где женщина выступала одновременно в качестве объекта и субъекта обрядовой церемонии.

Семейная традиция коренных народов Нижнего Амура стойко сохраняла и развивала принципы партнерства и комплиментарности (но не равенства) между мужчиной и женщиной, которые предполагали значительную роль последних.

Воспроизведение социокультурного контекста изменений социального статуса женщин позволило убедиться, что культурные представления и стереотипы сознания, которые характеризовали отношение к женщине в традиционном обществе, отражали исключительную медлительность трансформаций демографического поведения и устойчивость всего традиционного в семье и обществе коренных малочисленных народов Нижнего Амура.

Содержание диссертации изложено автором в 17 работах (общий объем 6 п.л.).

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК

1. Фадеева Е.В. Идеал женщины в общественном сознании нивхов (на материалах фольклора) / Е.В. Фадеева // Россия и АТР. Владивосток, 1998. № 3. С. 41—47. (0,5 п.л.).

Публикации

2. Фадеева Е.В. Статус женщины в традиционной семье народов Нижнего Амура / Е.В. Фадеева // Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции «Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему». 18—20 июня 1996 г. Владивосток, 1996. С. 117—118. (0,1 п.л.).
3. Фадеева Е.В. Женщина коренных народов Дальнего Востока в условиях освоения региона (середина XIX — начало XX в.) / Е.В. Фадеева // Гродековские чтения: тезисы научно-практ. конф. Хабаровск, 1996. Ч. 2. С. 17—20. (0,3 п.л.).
4. Фадеева Е.В. Роль «старшей» женщины в семье (по материалам Нижнего Амура и Сахалина) / Е.В. Фадеева // Вопросы археологии, истории и этнографии Дальнего Востока. Владивосток, 1997. С. 49—55. (0,5 п.л.).
5. Фадеева Е.В. Передача традиций в женской среде у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина / Е.В. Фадеева // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы 5 Всероссийского научного семинара, посвященного 155-летию дня рождения Н.М. Ядринцева. Омск — Уфа, 1997. С. 161—165. (0,4 п.л.).
6. Фадеева Е.В. Обычай избегания между братьями и сестрами у островных и материковых нивхов / Е.В. Фадеева // Социально-экономические и политические процессы в странах АТР: материалы и тез. докл. к междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 23—26 апреля 1997 г. Кн. 2. Владивосток, 1997. С. 106—107. (0,2 п.л.).
7. Фадеева Е.В. Положение молодой невестки в традиционной семье народов Нижнего Амура (середина XIX — начало XX в.) / Е.В. Фадеева // Второй международный конгресс этнографов и антропологов: Резюме докл. и сообщ., 1—5 июня 1997 г. Ч. 2. Уфа: Восточный университет, 1997. С. 141—142. (0,1 п.л.).
8. Фадеева Е.В. Влияние христианского канона женщины на семейно-бытовой уклад народов юга Дальнего Востока XIX — начало XX в. / Е.В. Фадеева // Проблемы региональной истории России. Ч. 3. Липецк, 1997. С. 10—18. (0,6 п.л.).
9. Фадеева Е.В. Образ женщины в религиозном сознании и фольклоре коренных народов юга Дальнего Востока (конец XIX — начало XX века) / Е.В. Фадеева // Культура и религия на Дальнем Востоке: история и современность (тез. докл. регион. науч. конф.). Хабаровск, 1997. С. 100—104. (0,3 п.л.).
10. Фадеева Е.В. Система женских персонажей в традиционной свадьбе народов Нижнего Амура / Е.В. Фадеева // Этнос-информ, № 3—4: Традиционная культура народов Дальнего Востока. Хабаровск, 1998. С. 48—54. (0,6 п.л.).
11. Фадеева Е.В. Имущественно-правовое положение женщины в традиционной семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина в конце XIX — начале XX в. /

- Е.В. Фадеева // Историко-культурные связи между коренным населением Тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии. К 100-летию Джебуповской Северо — Тихоокеанской экспедиции. Владивосток, 1998. С. 285—291. (0,7 п.л.).
12. Фадеева Е.В. Образ женщины в религиозном сознании и фольклоре материковых нивхов и нивхов о-ва Сахалин / Е.В. Фадеева // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С. 179—183. (0,5 п.л.).
13. Фадеева Е.В. Статус женщины в системе межличностных отношений в семье и обществе народов Нижнего Амура и Сахалина. Традиции и современность / Е.В. Фадеева // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. М., 1999. Т. 1. С. 309—317. (0,6 п.л.).
14. Фадеева Е.В. Обычаи избегания у народов Нижнего Амура / Е.В. Фадеева // Шестая Дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 79—86. (0,6 п.л.).
15. Фадеева Е.В. С.М. Широкогоров о положении женщины у северных тунгусов и маньчжуров Дальнего Востока / Е.В. Фадеева // Широкогоровские чтения (проблемы антропологии и этнологии): материалы науч. конф., посвящ. 102-й годовщине со времени образования ДВГУ. Владивосток, 18—19 октября 2001 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 24—27. (0,3 п.л.).
16. Фадеева Е.В. Роль женщины в медвежьем празднике коренных народов Нижнего Амура: середина XIX — начало XX в. / Е.В. Фадеева // Этнология и образование: проблемы интеграции академической науки и высшей школы: материалы науч. — практ. конф. Владивосток, 12—15 ноября 2002 г. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 158—163. (0,38 п.л.).
17. Фадеева Е.В. Женщина в традиционной погребальной обрядности коренных народов Нижнего Амура (середина XIX — начало XX вв.) / Е.В. Фадеева // Седьмая Дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. С. 291—298. (0,58 п.л.).

Изд. лиц. ИД 05497 от 01.08.2001 г. Подписано к печати 18.11.2006 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,25. Уч.-изд. л. 1,46. Тираж 120 экз. Заказ .

Отпечатано в типографии ФГУП Издательство «Дальнаука» ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7.